

Примечания

¹ <http://www.inop.ru/files/calhoun.doc>

² Parsons, Talcott. The Social System. Glencoe: Free Press 1964 (reprint from ed. 1951).

³ Eisenstadt, Shmuel N., 'Breakdowns of modernization', in: William J. Goode (ed.), The Dynamics of Modern Society. New York: Basic Books 1964. P. 434-448.

⁴ http://polbu.ru/sztompka_sociology

⁵ Eisenstadt, Shmuel N. b. Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice Hall 1966. P. 2.

⁶ Eisenstadt, Shmuel N. 'Breakdowns of modernization. P. 435.

⁷ Huntington, Samuel P. The change to change: modernization, development and politics, in: Black, Cyril E. (ed.) 1976. Comparative Modernization. New York: Free Press. P. 36.

⁸ Gusfield, Joseph R. Tradition and modernity: misplaced polarities in the study of social change, in: American Journal of Sociology, 72 (January 1966). P. 352.

⁹ Tipps, Dean C. 1976. 'Modernization theory and the comparative study of Societies: a critical perspective', in: Black, Cyril E. (ed.) 1976. Comparative Modernization. New York: Free Press. P. 74.

¹⁰ Huntington, Samuel P. The change to change: modernization, development and politics. P. 38.

¹¹ Durkheim, Emile. Selected Writings, ed. A. Giddens. Cambridge: Cambridge University Press 1972. P. 422.

¹² http://www.hse.ru/ic2/materials_2/yasin.htm

¹³ Там же.

*Т.А. Булыгина
(Ставрополь)*

ПОДХОДЫ «НОВОЙ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ» К ИЗУЧЕНИЮ МЕСТНОЙ ИСТОРИИ

В современных условиях история региона вызывает особый интерес отечественных исследователей. Наряду с социально-политическими факторами этого явления возникли и новые обстоятельства, связанные с состоянием современной исторической науки. При всей заслуженности вклада краеведов в разработку местной истории научное сообщество ощущает потребность в новом методологическом инструментарии, в новых теоретических подходах к изучению «места». Это связано не только с желанием более глубоко понять прошлое своего региона, но и через многообразие региональных историописаний выйти на новый уровень познания как национальной, так и всеобщей истории.

Мы можем говорить об усилиях исследователей понять смысл гуманитарной науки как органической целостности. Символом этих поисков стала метафора «новая», которой так и пестрит современная историография. За этим определением стоит стремление историков произвести или освоить актуальное профессиональное знание. Однако этот концепт предполагает антитезу «старая», то есть стимулирует переосмысление прежних исследовательских парадигм в новых категориях. Частным примером этого положения служит создание на базе Ставропольского государственного университета межвузовского научно-образовательного центра «Новая локальная история» при участии ученых Историко-архивного института РГГУ и РГАУ-МСХА им. К.А. Тимирязева.

Обращение к новым подходам может быть осуществлено двумя путями. На первом пути исследователи, механически противопоставляя новый и старый типы исторического знания, объявляют о «новом» этапе прогресса науки. Нам представляется более продуктивным второй путь, когда историк стремится к рефлексии по поводу исторического знания, особенно в области таких вопросов, как степень научности и познавательных возможностей исторической науки, особенности связей исто-

рического знания с познающим субъектом, специфика исторического нарратива, теоретические и эмпирические возможности построения историописания.

Российская историография, включая профессиональную и непрофессиональную, в полной мере вобрала в себя классическую традицию европейской науки модерна. Современная мировая реальность, связанная с глобализацией и глокализацией экономических, социокультурных и политических процессов, потребовала иных подходов к пониманию прошлого, нежели могли дать привычные национальные и евроцентристские практики. Поэтому созданные историками модерна метанарративы с универсальными схемами мирового развития потеряли свою убедительность. Как пишет Кэйт Дженкинс, «метанарративные стили» (metanarrative styles), становятся «все более и более неправдоподобными» (implausible)¹. Кризис «старой» исторической науки потребовал от профессионального историка отказаться от оценочных суждений, а самоопределиться в пространстве современного научного знания: «Историк может либо принять ситуацию, как она есть, и увеличить энтропию путем дробления поля исторического исследования на мелкие делянки, либо искать выход из кризиса исторического метанарратива, а такой поиск возможен лишь на путях методологической рефлексии»².

Идеи межвузовской научно-образовательной программы «Локальная история: компаративные подходы и методы изучения» Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного и Ставропольского государственного университетов как раз и были порождены рефлексией создателей НОЦ «Новая локальная история» о состоянии исторического знания. В результате возникла потребность взглянуть на историю российских регионов в контексте национальной российской истории не как на частный случай общей тенденции, а как на уникальное явление, которое, взаимодействуя с другими регионами и Центром, рождает эту тенденцию. С другой стороны, региональная история в прочтении сторонников НОЦ реализует исторические парадигмы страны в конкретных социальных практиках. При этом стала очевидной возможность конкуренции множества историографических практик при изучении местной истории.

В концепции программы НОЦ «Новая локальная история» говорится о том, что социокультурная ситуация рубежа XX–XXI вв. требует осмысления мирового целого в единстве и разнообразии его проявлений: «Актуальная социокультурная ситуация представляется ныне как ситуация постмодерна, ведущей характеристикой которой является кризис метаистории. Преодоление кризиса предполагает поиск новых методов исторического синтеза. Предлагавшиеся в XVIII–XX вв. концепции прошлого рассматривали исторический процесс как целое, исходя из тех или иных историко-теоретических постулатов и конструкций. В этих конструкциях составляющие исторического процесса неизменно представлялись как омертвленный «объективно данный» материал. Задача нового исторического синтеза — осмыслить актуальное социокультурное пространство в разнообразии и единстве его составляющих».

Новая локальная история особое внимание уделяет четкому определению объекта исследования и методам его анализа. Объектом в данном случае декларируются социокультурные аспекты различных проявлений конкретного бытия человека в его историческом развитии. Очевидно, таким образом, что используется методологический инструментарий таких направлений, как «новая социальная» и культурная ис-

тории. С одной стороны, локализация человеческого сообщества позволяет проникнуть вглубь микросоциальных процессов. С другой, как отмечает Л.П. Репина, локальный социальный анализ позволяет «наблюдать все общественные связи и процессы в их естественной субстрактной среде»³.

Рефлексия историка в отношении объекта исследования в контексте местной истории непременно наталкивается на концепт «регион». Наиболее распространенное представление о регионе связано с его территориально-географическими и административными характеристиками, так как этимология этого понятия связана с территорией, выделенной «по совокупности каких-либо взаимосвязанных признаков и явлений». Таким образом, определяющим для истории региона, является территориальное измерение, а не изучение этих связующих «совокупностей» и их более широкий контекст. В представлении «новой локальной истории» регион рассматривается в виде «микросообщества», главными характеристиками которого выступают деятельность и отношения людей в их социальном и личностном взаимодействии в локальном пространстве. Данное сообщество отличается относительной автономностью, что позволяет при изучении локальной истории увидеть ее особенности, уникальные проявления, свойственные именно данному социокультурному полю. В то же время такой подход к изучению региона позволяет увидеть его обитателей как часть макрообществ и как представителей всего человеческого сообщества, делая локальную историю открытой в общероссийский и мировой контекст. Как заметил Амато, локальная история ценна тем, что «удовлетворяет врожденное человеческое чувство познать свое место»⁴.

Локальная история как «история места» изучается в данном случае на базе нескольких тесно связанных общими методологическими подходами направлений (субдисциплин), использующих разнообразные познавательные методики в междисциплинарном пространстве. Речь идет о микроистории, интеллектуальной истории, «новой биографике», истории повседневности, устной истории, источниках и историографии местной истории, которые позволят понять ежедневный социальный опыт обычного члена локального сообщества в его исторической реальности. Изучение истории локальных объектов позволяет преодолеть унификаторский подход к национальной истории, опирающийся на типичность, и понять, что национальная история в гораздо большей степени, чем это принято считать, является собранием локального исторического опыта⁵.

Локальная история позволяет составить коллективную биографию локальной общности любого уровня от семьи до страны. Методы реализации таких проектов — «история снизу» и полидисциплинарность, когда сочетаются демографический, социокультурный, экономико-статистический, правовой, политический, историко-географический аспекты. При этом «история снизу» подходит к изучению локального сообщества через историю отдельных личностей его составляющих. Речь идет о социальной роли индивидуума и роли стереотипов поведения в социокультурном, бытовом, природно-географическом и геополитическом контекстах обживаемого им пространства. В то же время важной стороной исследования новой локальной истории является изучение истории изменения форм, структур и функций самого локального пространства в единстве вышеуказанных контекстов. «Новая локальная история», изучая все формы человеческой деятельности в социокультурном пространст-

ве, ставит перед собой задачу исторической реконструкции различных проявлений конкретных человеческих жизней и их соотношения друг с другом в едином историческом пространстве. Это ведет к расширению и разнообразию тематики исторических работ, приближая исследователя к возможности широкого исторического синтеза и на основе этого к созданию открытой модели исторического познания и исторического описания.

Остановимся на отдельных исследовательских полях Центра. Новая локальная история рассматривает регион как социокультурное пространство, где социум и его культура представляются как единая система, а ее существование обусловлено жизнедеятельностью человека в предложенных условиях историко-природного ландшафта и усилиями человека по изменению этого ландшафта. Толкование концепта «культура» сегодня неразрывно связано с социальным контекстом. Дело в том, что фиксация внимания на социальных аспектах истории неизбежно ставит вопрос о значении социального, которое является по своему существу культурным. Это приводит исследователей, изучающих социальную историю с применением микроанализа в пространство культурной истории. Акцент делается на уникальности историй регионов, которые вступают в сложные взаимоотношения, образуя национальные истории. С другой стороны, внутри этих региональных историй существует множество локальных историй, участвующих в сложных системообразующих процессах, которые не могут сводиться к описанию в типичных категориях общей истории.

Пересечение социального и культурного контекстов в одном исследовательском пространстве можно обнаружить в построениях отечественной семиотической школы. Отталкиваясь от представлений о культуре как семиотическом пространстве, «которое рассматривалось не столько как территория в собственном смысле слова, сколько как особым образом организованный и «привязанный к месту» фрагмент ноосферы»⁶, ее представители считают географическое, территориальное обозначение пространства лишь одним из базовых факторов социокультурного развития любого локального сообщества. Ю.М. Лотман рассматривал понятие географического пространства как одну из форм пространственного конструирования мира в сознании человека. Поэтому в различных исторических условиях даются свои представления о контурах этого пространства, которые предстают в исторических источниках по-разному в зависимости от характера общей модели мира автора источника.

Наряду с такими обозначениями локальной истории, как «культурное» и «социальное» присутствует и понятие «граница». На наш взгляд, подходы «истории пограничных областей» дают широкие возможности использования междисциплинарных подходов, о чем свидетельствует школа Чарльза Лумиса (мультидисциплинарная группа исследователей), объединившая социологов, политологов, культурологов, лингвистов, психологов. Изучение пограничных регионов рассматривается, таким образом, с позиций многообразия культурных, экономических, повседневных, геополитических взаимодействий этнических и микросоциальных групп. Рассматривая семиотическое пространство как пространство культуры, Ю.М. Лотман заметил многослойность пространственной картины мира человека⁷. Таким образом, любое социокультурное пространство представляет внутри себя множество пересечений, образующих относительно автономные участки, разделенные некими воображаемыми линиями, мембранами, тем, что принято называть границей. Наряду с этим, все более

очевидным является непреодолимая «рознь культурных ареалов» в историческом и географическом измерениях. Эта культурная «рознь» сопровождается усилением интенсивности культурного взаимодействия. Такое взаимодействие, имеющее интегральные основания, не подменяется ассимиляцией.

В контексте городской истории этот концепт приобретает особое звучание. Исследование границы таких локальных сообществ, как «село» и «город» в их локальных формах, позволяет уточнить характер складывания социокультурного пространства конкретного индустриального района как процесса формирования нового локального сообщества. Представляется перспективным изучение пограничных областей с точки зрения социальных, хозяйственных и культурных контактов различных локальных групп от разных этносов до жителей различных кварталов и приходов. Речь идет не только об истории конфликтов, но и об их взаимодействии и взаимовлиянии в их повседневной жизни, творческой деятельности. Новая локальная история представляет собой экстравертный тип знания, который «обеспечивает воспитание столь необходимой толерантности за счет понимания и принятия другого как Другого»⁸.

В отечественной исторической науке уже более столетия присутствует понятие «краеведение» и появившееся позже «историческое краеведение», как местная историческая практика. Сотни историков-специалистов и любителей-краеведов работали и продолжают успешно работать в рамках этого направления. Ими по крупицам воссоздается прошлое российской провинции, сохраняются памятники старины, пишутся биографии провинциальных учителей, купцов, промышленников, меценатов и т.д. Однако историческое краеведение является только одним из направлений изучения местной истории, а современная профессиональная историография предлагает разнообразие методологических подходов к изучению региональной истории. Новая локальная история самоопределилась в методологических предпочтениях, не отрицая заслуг краеведения, и идет своим путем исследований как локального, так и более генерализованного сообщества людей.

Примечания

¹ Jenkins, Keith. A Postmodern Reply to Perez Zagorin // *History and Theory*. 2000. Vol. 39. No. 2. May. P. 181–200.

² Румянцева М.Ф. К вопросу о преодолении кризиса исторического метанарратива: философия истории Г.-В.-Ф. Гегеля как опыт исторической теории // *Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории*. Вып. 2. Ставрополь, 2002. С. 35.

³ Регина Л.П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия // *XX век: методологические проблемы исторического познания*. В. 2 ч. Ч. 1. М., 2001. С. 85.

⁴ Amato, Joseph A. *Rethinking Home: A Case for Writing Local History*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 2002. P. 4.

⁵ Маловичко С.И., Булыгина Т.А. Современная историческая наука и изучение локальной истории // *Новая локальная история*. Вып. 1: Новая локальная история: методы, источники, столицная и провинциальная историография: Материалы первой Всерос. науч. Интернет-конф. Ставрополь, 2003. С. 15–16, 20.

⁶ *Евразийское пространство: Звук, слово, образ*. М., 2003. С. 10.

⁷ Лотман Ю.М. *Внутри мыслящих миров*. М., 1996. С. 296.

⁸ Румянцева М.Ф. От формационных и цивилизационных теорий к новой локальной истории, или к вопросу о «гельштахтах» исторического разума // *Запад — Россия — Кавказ*. Вып. 2. Ставрополь; М., 2003. С. 399.